

Любовь СУШКО

Эссеистический диптих из цикла
«ШАРМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

ТОСКА ПО ЖЕНЩИНЕ

*Уют усадеб в пору листопада,
Благая одиночества отрада.
Ружье. Собака. Серая Ока.*

*Душа и воздух скованы в кристалле,
Камин. Вино. Перо из мягкой стали.
По отчужденной женщине тоска.*

И. Северянин

Когда это началось и почему началось? Побег на дачу, желание испытывать снова и снова страсть, от которой остается только пепел, сожаление и несколько строк стихотворения.

Он был старшим, он с самого начала хотел быть классиком и определил себя в классики, он плевал на завещание гения: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Он любил страстно всей душой и отдавался до конца, сначала; потом, когда стал знаменитым поэтом, позволял, чтобы любили его. И были темные аллеи, в которых всегда хотелось укрыться с одной из них, а лучше с двумя — и в этом есть своя прелесть. И они были хороши или безлики, но они всегда были. Поэт не способен оставаться без своих муз. Тогда почему ни лиц, ни имен, ни писем?

Он с самого начала понял, что они не возвращаются к нему. Но казалось, что так и у всех остальных тоже. Он тешил надеждами свое мужское самолюбие до тех пор, пока не увидел безрассудного профессора.

В витиеватости его стихов было черт знает что, но ничего от реальности и от жизни. И толпа студенток следовала за ним, они на все были готовы. Сначала казалось, что они зависят от него, он так долго себя утешал. Но когда столкнулся с одной из них, рыдавшей на той самой темной аллее, потому что профессор улизнул куда-то с другой, он пытался ее утешить, не без задней мысли, конечно.

— Как он мог, — повторяла истеричная девица, — ведь я ему всю себя отдала.

Ему хотелось сказать ей что-то резкое, может быть, не стоило отдавать или отдавать нечего особенно было, но Ян сдержался, потому что надеялся, что когда историка закончится, она увидит, что он спокоен, что он предсказуем (это хорошо или плохо для них) и надежен.

Истерика закончилась, она вытерла слезы и посмотрела сначала в зеркало, а потом увидела его. словно бы только сейчас поняла, что он во все это время видел ее рыдания, был рядом и узнал ее страшную тайну.

Вероятно, она могла бы убить его, если бы в руках оказалось оружие, но не сделала этого.

— Что вам нужно, как вы можете так о нем говорить, да знаете, какой он в постели?

Он не знал, каким может быть в постели знаменитый поэт или профессор филологии, хотя, вероятно, и то, и другое вместе взятое. Он этого знать не мог, потому что во всем был старомоден и любил только женщин. Но каким же пошляком показался он даже сам себе в тот момент. Вместо этого он сказал другое.

— Но вы не знаете, каков я в постели, — промямли он. Зря сказал, хотя и молчать не мог.

— И знать не хочу, — взвизгнула девица, — падите прочь.

То, что он произнес после этого, ее профессор назвал бы нецензурной бранью, но он никогда не был филологом и считал, что это иногда возможно, в таких вот случаях. О том странном столкновении в темных аллеях можно было бы забыть, если бы это не повторялось и до, и после с завидным постоянством.

Он поморщился и подумал о том, что если девица помирится со своим любовником, то она, возможно, расскажет ему о том, что он ей говорил, и черт с ними со всеми. Пусть делают, что хотят. У него есть семья и дом. Но есть ли?

И все-таки, когда он добрался до дома, то разыскал на книжной полке и открыл томик стихов, невесть как у него оказавшийся:

*Я сбросил ее с высоты
И чувствовал тяжесть паденья.
Колдунья прекрасная! Ты
Придешь, но придешь — как виденье!*

*Ты мучить не будешь меня,
И радовать страшной мечтою,
Создание тьмы и огня,
С проклятой твоей красотой.*

Он отложил книжку в сторону и никак не мог понять, как такой чепухой можно было кого-то увлечь.

Говорят, когда он садится к роялю, они все валятся к его ногам. Музыка, наглость, порок — и в этом успех его, невероятно, но он никогда не будет таким.

Вера взглянула на него молча. Она вообще почти не говорила в те дни, обижалась на что-то. До нее дошли слухи о его похождениях. Хорошо, что она не знала, что там было на самом деле. Он готов был играть роль Дон Жуана, чтобы хотя бы в глазах жены иметь какой-то вес, но иногда ему казалось, что и она скажет, что не хочет его знать и уходит.

«Тогда я останусь совсем один», — думал он, настраиваясь на худшее, словно все уже было потеряно. Почему одним прощается все, а другим ничего?

Но она говорила о его новом рассказе, о творчестве только они и могли говорить, чтобы не касаться личного, слишком болезненных тем.

— Ты снова о прошлом, Ян, ты только не обижайся, но когда твои читатели чувствуют, что ничего нет в реальности, что все было и было ли, они пойдут искать другое, им нужно знать, что поэт не вспоминает о неведомом, а любит и страдает сейчас. У тебя и здесь нет ничего, кроме тоски по женщине и обид на весь остальной мир, — она старалась не упрекать его, но ничего не получалось. Он угрюмо молчал. Но она не могла оставаться. — Ты должен оставлять им надежду...

— Конечно.

*Я буду лобзать в забвенье
В безумстве кошмарного пира
Румяные губы твои,
Кровавые губы вампира, —*

он усмехнулся и передернулся, есть еще дорогая:

*— Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце острый французский каблук, —*

Ты об этом мне хотела напомнить, я так понимаю, — он говорил тихо и отчетливо, но готов был взорваться в любую минуту.

— При чем здесь Бальмонт и Блок, мы же говорим о твоём творчестве, а не о них.

— О моем творчестве... я последний классик, ты это снова хотела сказать, тогда почему все женщины и слава — всё у них, а у меня только дача, осень, собака....

— И старая жена, — она мягко улыбнулась и отстранилась немного.

— Я не это хотел сказать, ты меня не поняла.

— Да-да, конечно, не это, — поспешно согласилась она.

— Но если уж ты завела этот разговор, объясни, как им все это удастся.

— Я не знаю, — призналась она, — я никогда не была в их шкуре.

Она знала, даже слишком хорошо знала, но не могла говорить ему о тех качествах, которых у него нет, да и не будет никогда. Они позволяют себя любить, а он нет — вот главная беда, но и об этом она не хотела ему говорить. Она не сразу услышала его, и ему пришлось повторить.

— И тебе не нравится ни один, ни другой.

— Нравятся, но какое это имеет отношение к нам с тобой.

— Вот и убирайся к тому или к другому.

Он все-таки не выдержал, хотя до конца старался сдержаться, но где там, когда о

мифических, а может, и не мифических соперниках речь заходила.

Она стояла перед ним молча и, кажется, думала о том, чтобы уйти, хотя он был уверен в том, что никуда она не уйдет.

— Они никогда так не обращаются с теми, кто их любит.

Он взглянул на нее и хотел рассказать все, что видел и знал о них, но ничего говорить не стал, он давно знал, что наговорит такого, о чем потом жалеть станет.

*— И если я прежде был твой,
Теперь ты мое привиденье,
Тебе я страшнее — живой,
О, тень моего наслажденья, —*

прочитала она, словно не давая ему произнести горьких и обидных слов, она знала, что он слишком вспыльчив, потом будет жалеть и просить прощения, но столько горьких обид накопилось. Но откуда ей были известны эти стихи?

Тот, которого он во всем считал своим счастливым соперником, профессор и поэт, в тот момент был окружен восторженными девушками, взиравшими на него как на бога. Он выбрался с ними за город на какую-то дачу и теперь готов был покорить всех сразу, заморозить, и они стали игрушками в руках его. Но почему он так грустил и совсем не был похож на себя?

А он читал, задыхаясь и не глядя в их юные и прекрасные лица:

*— Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тлеющих свечей,
Грустные, безбольные,
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей.*

Он был так упоен музыкой стиха и собственным торжеством над миром, что не мог видеть, как одна из них наклонилась к другой и пыталась понять, о чем эти стихи.

— Да откуда мне знать, — отмахнулась та, — слушай, смотри, как это красиво, а сам он настоящий демон, бывают же такие.

Потом он сел к роялю и играл самозабвенно, чтобы покорить их окончательно. Но вовсе не так спокойно было на душе у первого поэта эпохи, так окрестил он себя сам, не дожидаясь, пока это сделают другие. Он не хотел думать, но вспомнил о том, кто владел их душами.

Сначала его насмешила Ирэн, она рассказала о столкновении с Яном, он думает, с его реализмом можно кого-то подчинить себе. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним, и занес же его черт на ту вечеринку на башню. Если бы он не видел своими глазами и не слышал своими ушами этого юнца, если бы сам не попросил его повторить стихотворение, а потом еще и еще раз, если бы не запомнил все от первого до последнего слова:

*И пахли древними поверьями
Ее волнистые шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

Если бы он был просто самовлюбленным болваном, а не профессором филологии к тому же, то он не понял бы тогда, кто перед ним находится, отмахнулся бы. Но он не мог этого сделать. И он уже знал, пока один из всех, что такое все их стихи и их слава перед вечной славой его.

Вот и схватился он за этих девиц, и бросился сюда, на старую дачу, чтобы еще раз почувствовать себя богом перед ними, потому что завтра все они рядом с лучистой его славой станут только ангелами опальными и ничего не смогут сделать.

Как страшно проснуться знаменитым, но еще страшнее проснутся свергнутым с той вершины, куда всеми правдами и неправдами ты успел забраться.

Когда вломился в его покои Ян, он попросил девиц отправляться домой, зная, что он хочет здесь получить.

— Ты пришел со мной сводить счеты, глупец, ты не туда забрел, все это мишура.

И когда тот развалился в кресле, он рассказал ему все, что видел и слышал, и даже

кусок знаменитого стихотворения прочитал.

— Ну и что? — лениво спросил он, из-за этого ты девчонок прогнал

— Ты на самом деле не поминаешь, что как только они его услышат, не будет у нас никаких девчонок, ты видел, как он красив?

— Не знаю и знать не хочу. Но мне нравится, что ты паникуешь, хоть одна хорошая новость за весь этот мерзкий и бесконечный день.

— Дурак, глупец, осел. Ты всегда оставался неучем. Еще и с Верой поссорился.

— А ты чего это ее защищаешь?

— Потому что и ей надоест терпеть тебя, и ты останешься совсем один.

— Я всегда был совсем один, экая невидаль, — буркнул он.

Профессор сел порывисто к роялю и стал исполнять реквием.

Когда он повернулся, изможденный, но немного успокоившийся, кресло было пустым. Этот тип даже не дослушал его музыки.

Как часто потом в охваченном войной Париже вспоминал этот странный разговор и музыку один из них, второй не вспоминал никогда. Они почти никогда не встречались, хотя и жили по соседству. Последний классик считал профессора филологии злым гением, а тот, кто давно был мертв, продолжал владеть и их душами, подчинив их себе.

Они и сами давно стали теми ангелами опальными, и тени их почти бесплотные метались на чужбине, не в силах приблизиться к миру, который они навсегда покинули, в душах истерзанных оставалась только тоска по женщине и тоска по России, как и у всех несчастных изгнанников.

*Зыбкие и странные,
Вкрадчиво-туманные,
В смелости нежданье,
Проблески огня,
То мечты, что встретятся,
С теми, кто отмятятся,
И опять засветятся,
Эхом для меня.*

О чем это? Кто его знает, но как завораживает.

ЗЫБКИЙ СТОН ШОПЕНА

28 ноября 1880 г., Санкт-Петербург, Российская империя

Луна казалась тусклой и сонной. Ноябрь разменивал последние дни и готов был кануть в вечность, уступив дорогу декабрю.

Кажется, он задержался лишь для того, чтобы послушать чудесную музыку Шопена. А она в старой усадьбе звучала нечасто. Пианист был гениален, без всяких преувеличений. Он оказался среди гостей, потому что девять месяцев назад он женился на дочери профессора.

Говорят, это была любовь, да кто же его знает, что толкнуло его к этой милой, очаровательной девушке. Она-то была покорена его гениальностью, а вот он — как знать? Иногда казалось, что он любил только музыку в себе и себя в музыке и был уверен в том, что жена не станет ему в том мешать, с ее-то деликатностью и тактом.

Профессор был добр и сердечен, а вот жена его, скорее наоборот, та еще светская львица. Во взгляде ее читалась какая-то дерзость и неприятие зятя, и никакие таланты не смогли бы облегчить его положения, а потому он всей душой рвался в свою Варшаву, скучал, хандрил в Петербурге и никак не мог поверить, что женат, что скован какими-то жуткими узами, все от него чего-то хотят, смотрят странно и оценивающе.

В такие минуты, он умел отключаться от реальности и погружаться в музыку, и хорошо, что у профессора в доме был рояль, прекрасный рояль, его зять о таком мог только мечтать.

Но надо было исполнить на этот раз мажорную «Балладу», здесь были гости с самыми громкими и известными в свете, в ученном свете, именами, он мог очаровать их только музыкой, и Шопен, а потом Шуберт и, может быть, Григ ему в том помогут, но пока Шопен, никто не любил великого поляка так, как этот пианист, новоиспеченный зять знаменитого профессора.

Он погрузился в музыку и не слышал шума, споров за спиной, ему не хотелось смотреть на гостей, слушать их, потому что он не считал себя ровней, и это его раздражало и порой бесило, а ярость — плохой помощник для пианиста, каким бы талантливым он ни был.

Но был там один человек, которого он мог бы считать своим, близким, понятным, это был Федор Михайлович Достоевский. Пианист замахнулся именно на русского гения, ни больше, ни меньше, просто было в нем что-то близкое и родное, родство душ, когда понимаешь это с первого взгляда.

Догадывался ли о том сам писатель, кто его знает, как и о том, что этот поляк знал его, думал о нем и исполнял музыку именно для него. Федор Михайлович относился к музыке очень осторожно, если погрузиться в нее, то можно утонуть, она задевает те потаенные струны души, которых едва только касается слово, она действует на сознание быстрее и сильнее, потому что он умел отключаться и не слышать и едва улавливать эти звуки, погруженный в размышления, в разговоры о самом главном.

Он любил бывать в доме профессора, хотя и чувствовал там себя не совсем в своей тарелке, ему хотелось поговорить с его суровой женой, знавшей Пушкина живым, это же фантастика какая-то, но так и было. Она высоко ценила его речь о Пушкине, и может быть, потому что он был желанным гостем в доме, но поговорить по душам не решался, она не приглашала к такой беседе, а он не мог напрашиваться.

Но в тот вечер музыка профессорского зятя зацепила сознание его сильнее чем обычно, и хотя это была мажорная «Баллада», он не помнил номера ее, но чувствовал, что окрылен и вдохновлен, тот был настоящим бесом, совсем как его герои.

«Странно, — размышлял Федор Михайлович, — он словно бы сошел со страниц моих книг»; черт, пытавший Ивана, воплотился не в толстую купчиху, а в красавца пианиста, от которого он и сам не мог глаз оторвать, а что говорить о молодой девице, для нее это был удар молнии, смертельный удар.

Писатель хотел взглянуть на ту, одну из трех дочерей, выбравшую себе такого мужа, но ее нигде не было видно. Хотя они все были так похожи, но ее он выделял, обдумывал роман о гении и злодействе, где эта отважная молодая женщина станет главной героиней, и из-за нее только гениальный поляк шагнет на страницы его нового романа.

Но не только дочери профессора, он и жены его нигде не мог отыскать среди гостей. Что-то странное творится на этот раз в уютном доме, сам же профессор спокоен и мирно беседует с кем-то из своих коллег, наверное, и удар грома, и ослепительная молния не нарушат его покой. Здесь точно есть покой и воля, как говорил Пушкин, потому что писатель отдыхал здесь душой и покидал профессорскую усадьбу с большой неохотой, словно боялся, что не сможет больше сюда вернуться никогда. А дурные предчувствия его редко обманывали.

Жена профессора, о которой с такой теплотой думал великий писатель, была на верхнем этаже дома странно взволнована, ходила из угла в угол и оглядывалась на дверь, словно вот-вот должно было случиться какое-то землетрясение, и она не знала, что нужно делать в такие минуты.

Конечно, знала, все она знала, но ждала служанку и вестей с невероятной силой. Музыка долетала до нее какими-то обрывками, она даже не пыталась понять, что там звучит. Она не понимала другого, как ее зять может быть так спокоен, хотя, может быть, именно так он пытается заглушить свое волнение, только волнуется ли он вообще, способен ли волноваться, что его может взволновать?

Она попыталась отвлечься и вспомнила о том, что давно собиралась поговорить с Федором Михайловичем о Пушкине, ведь для него, наверное, бесценно то, что она может ему рассказать, надо дать ему почитать ее записки, узнать, что думает он по этому поводу, он так тонко и глубоко все чувствует, он видит такие высоты и такие глубины, о которых остальные не могут и догадываться, наверное, провидение не случайно привело его в их дом и дает им обоим шанс поговорить о самом важном на свете. Она скоро этим займется, вот переживет все, что должно случиться в эту ночь, и тогда со спокойной душой назначит ему свидание.

И тут вдруг зазвучали «Грезы» Шумана. Она удивленно подняла брови, слух обострился как раз в тот миг, когда он начал исполнять это гениальное творение. Она остановилась у окна, сменила гнев на милость и решила послушать; когда и где еще она такое услышит.

В тот вечер она убедилась в его гениальности окончательно и поняла, что ее дочь обречена, такие вот два открытия жена профессора сделала одновременно, а потому печаль и радость слились воедино. Нельзя было дочку к нему подпускать, нельзя, но она была слишком занята Пушкиным, своими переводами, делами мужа и дочерей и упустила тот момент, когда еще можно было отправить его подальше, отказать ему, но

это можно было сделать до того момента, когда его прекрасные руки опустились на клавиши рояля, а после этого даже она не смогла спасти свою дочь, а что говорить о профессоре?

Но как не хотела, она не смогла дослушать Шумана до конца, в дверь постучали, и она бросилась к двери, все понимая, теперь стало уже не до музыки.

Федор Михайлович жестом остановил собеседника и как-то боком, боясь кого-то задеть ненароком, двинулся к пианисту, надо было поближе взглянуть на того, кого он собирался сделать героем нового романа. И музыка, он отважился впустить ее в душу, сколько ни убегай и ни прячься, она все равно тебя настигнет, заставит слушать и слышать, это величайшая глупость — прятаться от нее, никакие беседы самые невероятные не заменят нам музыки, ее полета и вдохновения.

Кажется, что-то разбудило пианиста и толкнуло его к человеку, осмелившемуся к нему приблизиться. Он взглянул на писателя удивленно и растерянно и снова погрузился в музыку, не надо отвлекаться, даже такое сближение не может его отвлечь от клавиш, от вечности, от «Грез».

Смущение Пианиста заставило писателя улыбнуться, он утвердился в мысли, что тот станет главным героем нового романа. Его надо начать писать прямо сегодня, ведь время безжалостно уходит, ему почти шестьдесят, может и не успеть, а ведь это будет роман о гении и о музыке, ничего подобного он до сих пор не писал, пока не встретил пианиста. Написать хотя бы в благодарность за то вдохновение, которое он подарил этим вечером.

Многие заметили, как вдруг поднялся со своего места и посмотрел вверх сам профессор. Неужели что-то могло нарушить его покой, прервать беседу, ведь минуту назад он был так увлечен.

Но он посмотрел на второй этаж именно в тот момент, когда там раздался пронзительный крик ребенка. Всем, кто был внизу, он был прекрасно слышен, застыли на клавишах прекрасные руки пианиста. Он должен был броситься туда, но сидел неподвижно, кажется, даже не дышал.

Дверь распахнулась, и к гостям вышла высокая и стройная в белом наряде жена профессора, улыбнулась одним лишь ртом и сказала, что на свет появился мальчик, профессор стал дедушкой, а пианист отцом.

Она говорила еще что-то, но голос ее потонул в отдельных фразах, все бросились поздравлять профессора Бекетова, звучали теплые слова, наполненные радостной нежностью, на свет появился новый человек.

Но в тот день никто не мог знать, что он станет первым поэтом в России через два десятка лет. Великий писатель, бывший в тот день в доме, уйдет из жизни через пару месяцев и не успеет написать роман о гениальном пианисте, у него просто не останется для этого времени.

Мир стремительно летел в пропасть к войне, революции, но в тот ноябрьский день никто не мог об этом думать, они радовались, они были счастливы. Они стали свидетелями великого события, столько раз потом описанного в воспоминаниях.

И музыка, великая музыка сопровождала поэта все годы его тяжелой, но наполненной вдохновением и творчеством жизни.